

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. *Культура и быт колхозников Калининской области*. М., 1964, 354 стр.

Книга Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой, посвященная актуальным проблемам преобразования быта колхозников в период перехода от социализма к коммунизму, уже обратила на себя внимание критики. Она получила отклик и за рубежом¹.

Это вызвано как особенностями работы, так и злободневностью темы, к которой в последнее десятилетие было приковано пристальное внимание советской общественности. Проблемам колхозной действительности посвящены многочисленные публицистические статьи и очерки, а также художественные произведения различных жанров. Однако этнографических исследований по этим вопросам не так много, и монография Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой представляет в этом отношении значительный интерес.

Авторы ставят перед собой задачу выяснить сущность новых явлений, характерных для быта современной деревни Калининской области. Однако работа по своему значению далеко выходит за областные рамки.

Каждому непредубежденному читателю, сколько-нибудь знакомому со спецификой этнографии, ясно, что написание книги требовало длительного и напряженного труда по отбору фактов, особенно по современности. Авторам приходилось часто впервые подходить этнографически к изучению многих вопросов.

Необходимо отметить, что все разделы работы связаны с личными материалами авторов, их полевыми наблюдениями и анкетами обследования. Написание многих, если не всех, разделов по современности было бы совершенно невозможно без этого.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения и охватывает обширный круг вопросов, характеризующих материальную и духовную культуру колхозников.

Во «Введении» говорится о задачах работы, кратко характеризуются источники и историография вопроса.

В I главе «Занятия и хозяйство в прошлом и настоящем» дана сжатая, но четкая характеристика хозяйства тверских крестьян пореформенного времени. Большое внимание уделено преобразованию хозяйственного быта в годы Советской власти, особенно после коллективизации сельского хозяйства. Здесь отчетливо прослеживается умение авторов подойти этнографически к изучению производственной деятельности населения. В главе поднят ряд важных вопросов, в том числе подробно анализируется организация труда в различных отраслях колхозного производства, распределение трудовой нагрузки между мужчинами и женщинами, распорядок и ритм рабочего дня отдельных категорий работающих, говорится о миграции населения, ее причинах и изменении во времени.

II глава «Материальный быт калининских колхозников и пути его преобразования» посвящена материальной культуре: поселениям, жилищу, одежде, пище и несмотря на небольшой размер представляется наиболее законченной. Авторы на основе собственных материалов прослеживают новое в развитии поселений — их укрупнение, объединение (сселение) мелких поселений, изменение планировки и т. д., выявляют типы сложного крестьянского жилища, распространенного в тверской деревне до Великой Октябрьской социалистической революции, и изменения, которые произошли в нем за годы Советской власти. Эти изменения очень существенны и касаются строительной техники, конструкции, внутреннего устройства, украшения, планировки и интерьера. В советские годы происходит и стирание локальных различий в жилище, весьма существенных в прошлом. О массовом характере отмеченных изменений говорит и тот факт, что в калининских селениях преобладают дома послереволюционной постройки (стр. 98).

Раздел об одежде содержит анализ специфики изменений этой стороны материальной культуры в дореволюционное и советское время. Вызывает интерес малоизвестный факт об использовании в дореволюционный период бедняками для изготовления одежды «лепестья» — обрезков фабричной ткани, покупаемых на вес.

В следующем разделе главы выявлены специфические особенности традиционной пищи тверских крестьян: наличие полужидких блюд, употребление блинов с ними, порядок «перемен» — подачи блюд на свадьбах (стр. 161), отличия в питании разных слоев крестьянства. Хорошо показаны кардинальные изменения в питании населения в советский период — повышение калорийности пищи, исчезновение многих традиционных блюд, появление новых. Как отмечают авторы, пища, однако, менее, чем другие стороны материальной культуры, подвержена изменениям.

В III главе «Семейный быт и внутрисемейные отношения» показано влияние развития товарно-денежных отношений в дореволюционный период на семью (и на семейный строй).

Авторы отмечают, что неразделенные семьи дольше сохранялись в зажиточных хозяйствах, более стойкими в таких хозяйствах были по ряду причин и патриархальные

¹ См., например, рецензию Dunn Ethel в «American anthropologist», vol. 67, 1965, № 4, стр. 1031—1033.

отношения. В главе характеризуются внутрисемейный строй, взаимоотношения членов семьи, подчеркивается ограниченность интересов семьи, замкнутость семейного быта в прошлом.

Второй раздел главы посвящен современной семье калининских колхозников — ее структуре и изменению внутреннего строя. Авторы убедительно показывают, что для современной семьи характерно исчезновение патриархальной иерархии, облегчение выдела из семьи, изменение понятия о главенстве в семье, иное распределение обязанностей, духовная общность и близость всех членов семьи, полное равноправие снохи в семье мужа, внедрение научных основ воспитания детей и т. д.

Уделено внимание в главе проведению семейных праздников и торжеств. Детально исследуется обрядность, связанная с заключением брака. Обращает на себя внимание специфический характер приданого в прошлом: рига, конюшня, сарай, лошадь, телка или их денежная стоимость. Авторы говорят о тех изменениях, которые произошли в брачной обрядности в советское время.

В IV и V главах — «Общественная и культурная жизнь сельского населения в пред-революционные годы и коренные изменения в ней после Великой Октябрьской социалистической революции» и «Общественная жизнь и культура калининских колхозников в годы развернутого строительства коммунизма» анализируются основные особенности общественной жизни населения в дореволюционное время и в годы Советской власти — до начала Великой Отечественной войны (IV гл.) и на современном этапе (V гл.). В этих главах поднято чрезвычайно много вопросов, связанных с общественной жизнью, духовным обликом и культурным уровнем населения.

Все исследование, как справедливо пишут авторы в «Заключении», показывает, что решающее значение для утверждения нового в культуре и быту имело становление и развитие колхозного строя.

В целом для работы, несмотря на ее разносторонность, характерна единая линия повествования. Все явления рассматриваются строго хронологически, по этапам.

Так, в части, характеризующей дореволюционное время, прослеживается стремление показать, как отразилось на различных сторонах жизни крестьян развитие капиталистических отношений в тверской деревне. В советском периоде выделяются 1920-е, 1930-е, 1940-годы, период Отечественной войны, современный период.

Авторам удалось выявить направление процессов развития разных сторон материальной и духовной культуры населения; выводы, сделанные в монографии, имеют важное теоретическое и практическое значение. Они, несомненно, принесут пользу дальнейшей разработке этнографических проблем современности и будут использованы практическими работниками.

Создается, однако, впечатление, что авторы были чрезвычайно стеснены в листе. Этим, видимо, объясняются некоторые имеющиеся в монографии пробы, а иногда и конспективность отдельных положений. Так, в работе не приводятся данных о национальном составе населения Калининской области, в частности, сельского населения, хотя такие сведения крайне желательно видеть в этнографическом издании.

Как отмечают авторы, в послевоенные годы в калининской деревне получили распространение комсомольские свадьбы, однако остается неясным, каков удельный вес таких свадеб, какова их обрядность и идеологическое воздействие на население.

Отсутствие приданого в 1920-е—1930-е гг. объясняется в книге «недостаточно высоким уровнем жизни» крестьян, а возрождение приданого в послевоенный период связывается с ростом материального благосостояния. Вероятно, это лишь одна из причин; имеют значение и другие, в том числе взгляды на брак и брачную обрядность, несомненно, различающиеся в довоенные и послевоенные годы. Ведь в дореволюционный период, как утверждают сами авторы, уровень жизни крестьян был гораздо более низким, чем 1920-е—1930-е гг., но приданое было обязательным.

Авторы много внимания уделяют очень важному вопросу отхода населения от религии, имея в виду, видимо, лишь отход от догматов православия: «Та часть религиозного культа, которая... прямо относится к исповеданию веры (регулярные посещения церкви, повседневная молитва, почитание икон, соблюдение постов и пр.) за годы Советской власти утратила свою былую значимость» (стр. 314). В то же время в работе не приводятся никаких сведений о числе церквей в области и их географии; цифры, характеризующее число венчаний в церкви, обрываются на 40-х гг. А ведь наличие или отсутствие церквей, их распространенность — далеко не безразличный факт для характеристики религиозной жизни населения, как и его отхода от религии.

Нам кажется, что некоторая излишняя обобщенность содержится и в положении о том, что в каждой бригаде, ферме, даже семье ведутся обсуждения и подсчеты рентабельности для колхоза вводимых мероприятий; «подсчитываются затраты, расходы и доходы, получаемые от применения машин, удобрений, стоимость литра молока и другой продукции и т. д.» (стр. 343—344). Несомненно, что колхозники проявляют интерес к этим вопросам и обсуждают подобные темы, в том числе и в семье, но такие детальные расчеты — дело очень специальное, связанное с учетом множества цифр и показателей, и даже в небольших хозяйствах — удел специалистов и не под силу отдельной колхозной семье.

Книга Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой богато иллюстрирована. Однако содержание и характер иллюстраций не всегда удовлетворяют, так как некоторые из них лишены этнографической специфики. Неравномерно распределены фото и по разделам. Так, совершенно нет иллюстраций, характеризующих технику дореволюционного сельского хозяйства, хотя авторы, несомненно, имели оригинальный материал. А это представляет значительную научную ценность и вызвало бы интерес не только у советских исследователей, но и у зарубежных этнографов, много и детально занимающихся этими вопросами.

Слабо иллюстрированы и остальные разделы, относящиеся к прошлому, что снижает ценность книги, ибо лишает читателей возможности видеть в документах ту разницу между прошлым и настоящим, о которой пишут авторы. В то же время в работе приведено много портретных снимков (стр. 49, 55, 59, 292 и др.), не обязательных в книге научного профиля. Вряд ли в этом повинны авторы, опытные и увлеченные этнографы, знающие цену документальным научным иллюстративным материалам. Скорее, этот упрек надо адресовать издательству, мало заботящемуся о специфике книги.

Л. Сабурова

Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. АН СССР. Петрозаводский институт языка, литературы и истории. М.—Л., 1964, 195 стр.

В 1964 г. в издании Академии наук СССР вышла книга, посвященная этнографии современных рабочих-лесозаготовителей Карелии. Она написана группой научных сотрудников Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР в составе В. В. Пименова, Р. Ф. Тароевой, З. Н. Кельсеевой, У. С. Конкка, Т. И. Вязинина и В. И. Ильиной, причем основные разделы написаны первыми двумя.

До недавнего времени промышленная заготовка леса была лишь сезонным занятием крестьян. Большинство теперешних рабочих-лесозаготовителей в Карелии — бывшие крестьяне. Для этнографа особенно интересно изучение таких переходных групп — в их быту можно наблюдать интенсивное вытеснение традиционных и формирование новых культурно-бытовых форм, через них идет распространение в деревню городской культуры. В качестве объекта исследования авторами была взята первичная ячейка лесозаготовительной промышленности на севере — лесопункт, вернее поселок лесопункта. Выбор именно Верхнего Олонца мотивирован тем, что он существует уже несколько лет, в течение которых жизнь в поселке успела принять более или менее устойчивые формы. Кроме того, национальный состав населения Верхнего Олонца является во всех отношениях типичным для лесных поселков южной Карелии. Авторы выделяют также примыкающий к Верхнему Олонцу микрорайон, внутри которого сложились довольно тесные хозяйственные, культурные, родственные и другие связи.

Книга построена главным образом на полевых материалах. Для изучения семьи было проведено сплошное анкетное обследование. Использованы также сведения, почерпнутые из архивных и литературных источников, из прессы.

Рабочий поселок Верхний Олонец расположен в южной части Карелии. Строительство его началось в 1951 г. В работе изложена история его постепенного роста и оснащения новой техникой, формирования его населения. Многонациональный поселок изучается авторами как единое целое. Не надо доказывать, что именно такое комплексное исследование многонациональных объектов единственно правомерно; между тем этой очевидной истиной нередко пренебрегают, и — чаще всего вынужденно — работу обычно ведет специалист, изучающий один какой-нибудь народ. Авторы констатируют, что этнический состав населения поселка и микрорайона в целом сформировался в его настоящем виде к 1957—1958 гг. из двух основных групп: старожильского местного карельского населения и пришлого (русского, белорусского и украинского), причем последнее в деревнях почти незаметно, а в Верхнем Олонце составляет больше половины.

Характеризуя во введении собственную работу, авторы несколько переоценивают ее экспериментальный характер, но все же, действительно, в ней есть вопросы, которые этнографами до сих пор специально не изучались. Это, прежде всего, производственный быт лесорубов. Глава о нем вынесена вперед, тем самым подчеркнуто отношение к этой теме, как одной из главных. Под производственным бытом авторы понимают «во-первых, характерные производственные навыки, необходимые рабочим для пользования орудиями труда и эксплуатации средств производства, а также способы приобретения этих навыков; во-вторых, формы организации труда; в-третьих, бытовые условия труда (производственно-защитная одежда, медицинское и культурное обслуживание рабочих на производстве, организация питания и прочее) и, в-четвертых, устойчивые формы поведения рабочих на производстве (привычки, бытовые традиции и т. п.)» (стр. 9—